

Хань Чаншэн проснулся еще до рассвета. Все его тело чувствовало легкость, он был бодр и полон сил, словно хоть сейчас мог вскочить и навернуть десяток кругов вокруг горы Куньлунь. Он хотел сесть, но обнаружил, что его рука чем-то придавлена. Оглянувшись, он ошеломленно застыл.

В тусклом утреннем свете возле него лежал Ань Юань, причем обнаженный. Его разорванная одежда валялась рядом с подушкой. Его длинные волосы растрепались, а на теле виднелось множество подозрительных отметин. На его лице отражалась усталость...

На мгновение Хань Чаншэн ударился в панику, но вскоре смог успокоиться. Нечто подобное как-то раз произошло, когда они жили в долине. Он проснулся и запаниковал, но после факты доказали, что ничего особенного не случилось. Нет, такого просто не могло произойти. Он всегда гордился своим самообладанием...

Однако в следующий момент его разум затопили воспоминания о прошлой ночи.

Вчера с помощью Ань Юаня он наконец-то полностью подчинил себе внутреннюю силу, оставленную ему стариком Сюаньцзи. Он-то считал, что сможет с легкостью усвоить эту последнюю часть, и для него стало полной неожиданностью то, что она оказалась ключевой. Едва им удалось с ней совладать, как все меридианы его тела разом открылись, а его самосовершенствование совершило огромный скачок. Его тело попросту не выдержало, когда внутри него в мгновение ока оказалось такое огромное количество внутреннего Ци. В итоге с открытием меридианов Жэнь и Ду он словно подвергся мощной ментальной атаке и напрочь лишился рассудка...

Хань Чаншэн вспомнил все. Прошлой ночью он впал в отклонение Ци, и именно он сделал собаку-лорда таким, он сделал с ним это, то и еще кое-что; так, так и даже вот так. Но самая большая трагедия во всем этом заключалась в том, что он сотворил то да это с собакой-лордом не один раз, а трудился над ним почти всю ночь напролет...

Хань Чаншэн содрогнулся и в мгновение ока залился холодным потом.

"Небеса! Играют! Со! Мной!!!"

Он сделал это! Мужчина завалил мужчину, причем собака-лорд оказался снизу! Ах, он утратил свой благородный и возвышенный образ! Теперь он отчетливо помнил, как отчаянно собака-лорд поначалу сопротивлялся ему, но оказался не в силах справиться с его обезумевшим телом. В итоге он выплакал все глаза и лишился сознания, затем очнулся и снова упал в обморок...

Хань Чаншэн принялся биться лбом о столбик кровати! Это было поистине крупное событие, способное поставить на уши все Небеса! Ранее, когда ему необъяснимым образом достались все удачные возможности собаки-лорда, он со временем, приложив определенные усилия, еще мог бы это исправить. Но если о случившемся этой ночью прознают Черный и Белый Учаны вместе с прочими бессмертными, обитающими на Небесах, ему не удастся загладить свою вину

простым превращением в уродливого ребенка в следующей жизни. Нет, они наверняка живьем сдерут с него шкуру, испепелят его кости, а получившуюся золу развеют по ветру! А-а!

Разве он сможет скрыть это от них? Нет, у бессмертных имелось для наблюдения за миром смертных какое-то древнее пыльное зеркало. Они наверняка видели, что он натворил, но еще не успели прийти, чтобы его отловить. Они просто сейчас обсуждали, как с ним поступить! Может ли он попросить Яньло снова повернуть время вспять? Нет-нет-нет, этот Яньло прикончит его, как только увидит!

"А-а-а-а-а-а-а-а-а!"

Хань Чаншэн снова долбанулся о столбик кровати. Внезапно сбоку послышался болезненный стон. После целой ночи, на протяжении которой его швыряли и переворачивали, Ань Юань наконец-то заснул, но возня Хань Чаншэна чуть не разбудила его. Он застонал, но его глаза так и остались закрытыми.

Хань Чаншэн моментально застыл. Забудьте о бессмертных, планирующих уничтожить его, едва проснется собака-лорд, как этот парень сам пронзит его своим мечом!

Ань Юань лишь несколько раз что-то промурлыкал себе под нос, после чего снова затих. Он не проснулся. Хань Чаншэн чувствовал себя так, словно его сердце подбрасывали в небо только для того, чтобы оно камнем рухнуло на дно пропасти. В его разуме все смешалось: он ничего не понимал и вообще не смел о чем-либо думать. Однако он уже принял решение. В любом случае ничто не превзойдет тридцать шестую стратегию: нет ничего лучше бегства (1)!

Хань Чаншэн осторожно вытащил из-под Ань Юаня свою руку, после чего потихоньку скатился с кровати. Поднявшись, он оделся, прихватил сверток со своими вещами, вышел за дверь и прошел пять-шесть шагов по коридору, а затем как сумасшедший бросился наутек и в мгновение ока скрылся из виду.

Ань Юань наконец-то проснулся, когда уже совсем рассвело. Все его тело было объято болью; он невольно простонал:

- Воды...

Заговорив, он обнаружил, что охрип, и от неожиданности утратил дар речи. На мгновение он ошеломленно застыл, а затем вспомнил, что произошло прошлой ночью, и его щеки погорячели.

Он знал, что причина, по которой обезумел Хань Чаншэн, заключалась в том, что тот пытался сопротивляться отклонению Ци. При этом он полностью задействовал свою внутреннюю силу, и даже трое, а то и все пятеро человек не смогли бы утихомирить его. Поначалу Хань Чаншэн действительно действовал на инстинктах, но позже, когда выпустил пар, удовлетворив свою похоть, его разум также несколько прояснился. Последние несколько раз, неизвестно, то ли

там у него все онемело, то ли Хань Чаншэн пришел в себя, но он стал действовать гораздо нежнее.

Хоть он и давно подозревал, что Хань Чаншэн желает им овладеть, он и представить себе не мог, что это случится при таких обстоятельствах. Чем все это закончится? Когда проснется, примется ли Хань Чаншэн горько рыдать от раскаяния или предпочтет толкать лодку, прося о дальнейшем развитии их отношений? Что чувствует его сердце? Достаточно ли нравится ему самому этот человек, чтобы принять с ним подобные отношения? Принять его или же на время от него отдалиться?

Ань Юань открыл глаза, а затем, чувствуя боль в шее, с трудом повернул голову и обнаружил, что слишком много себе напридумывал: другая сторона кровати в опустевшей комнате уже успела остыть, а все вещи Хань Чаншэна исчезли.

Вечером Ань Юань, наконец-то, прихрамывая вышел из комнаты. Он чувствовал себя больным, но о нем некому было позаботиться. Проведя целый день без еды, ему оставалось только стащить вниз по лестнице свое ослабевшее тело, чтобы насытить его.

Шел второй день конференции Улинь. Турнир на арене уже начался, и сегодня должна была быть всего лишь разминка. Однако, поскольку всех вдохновил пример Хань Чаншэна, соревнования на арене в этом году с самого начала вышли весьма оживленными. Изначально предполагалось, что в ходе боев молодежь будет учиться друг у друга, обмениваясь ударами, но многие придумывали и демонстрировали там свои уникальные навыки. В конце концов, в ходе каждой конференции Улинь появлялись лишь один-два человека, которым удавалось привлечь к себе всеобщее внимание. Но в этом году можно было не сомневаться, даже если "Ли Цзюлун" больше не появится, самая большая слава все равно достанется ему одному. Если остальные его соперники хотели выделиться на фоне других, им предстояло здорово постараться.

Гостиница оказалась заполнена практиками боевых искусств, которые вернулись сюда поужинать. Все находились в приподнятом настроении, оживленно обсуждая случившееся за последние пару дней. Однако по сравнению с сегодняшними боями на арене, людей куда больше интересовало случившееся днем ранее. Упомянув о соревнованиях на арене, некоторые люди просто не могли не добавить:

- Сегодня ХХ отнюдь не плохо себя проявил, но ему еще ой как далеко до вчерашнего подвига Ли Цзюлуна, который приструнил самого Юэ Пэна!

Спустившись в зал, Ань Юань уселся за стол. Многие из находящихся в зале обратили к нему свои взгляды, поскольку на нем была соломенная шляпа с вуалью. После вчерашней битвы соломенные шляпы с вуалью стали особенно популярны. Даже здесь оказалось несколько человек в таких шляпах, а некоторые в качестве уловки надевали соломенные шляпы с вуалью, выходя на арену, но когда им не удавалось одним движением одолеть своего противника, их попросту поднимали на смех.

Кто-то указал на Ань Юаня и шепотом спросил:

- Очередной самозванец?

Ань Юань, пребывая в полузабытьи, целый день не покидал своей комнаты, поэтому понятия не имел, что происходило за ее пределами. Он, действуя, как в тумане, подозвал официанта и заказал несколько блюд.

Какой-то маленький озорник подбежал и сдернул шляпу с головы Ань Юаня, подпрыгивая и крича:

- Замаскированный человек, замаскированный человек, замаскированный человек... Ах!

Внимание плохо чувствующего себя Ань Юаня было рассеянным. Случившееся застало его врасплох. Он действительно допустил, чтобы ребенок, которому явно еще даже не было десяти, сорвал шляпу с его головы. Поскольку рядом с ним больше не было Хань Чаншэна, некому было изменить его лицо. Его истинное лицо тотчас оказалось выставлено на всеобщее обозрение.

Озорник, приоткрыв рот, уставился на него:

- Старший... старший брат так красив...

Зал гостиницы в мгновение ока забурлил, точно кипящий котел.

- Это же Хуанфу Ань Юань! Это действительно он!

- Это он вчера поднимался на сцену. Я не ошибусь, если предположу, что он остановился в этой гостинице?

- Он здесь, а значит, Ли Цзюлун тоже должен быть где-то неподалеку, я прав?! Ли Цзюлун!

У Ань Юаня разболелась голова от этого шума. Он поднялся и направился было обратно в свою комнату, но неожиданно пошатнулся и едва не упал. К счастью, ему удалось опереться на стол и с его помощью твердо встать на ноги.

Группа людей в мгновение ока догнала и со всех сторон окружила его.

- Ань Юань, Ань Юань, как, по-твоему, поступит с Юэ Пэном глава альянса Улинь?

- Что ты чувствуешь после того, как предатель на протяжении пятнадцати лет заставлял тебя

относиться к нему как к отцу?

- Где Ли Цзюлун? Почему он не с тобой?

- Ты ушел из секты Юэха. Ты собираешься вступить в другую секту или основать собственную?

От их что-то щебечущих голосов у Ань Юаня голова закружилась. Он попытался протиснуться через толпу, но обнаружил, что у него нет для этого сил. Восторженная толпа едва не поглощала его, молодого человека толкали то назад, то вперед, его грудь сдавило от тошноты. Когда у него уже не осталось сил даже стоять на ногах, кто-то из толпы протянул руку и крепко схватил его за запястье. Надежно держа за руку, его вытянули из толпы.

- Стойте, не напирайте! Ань Юань пропал!

- Скорее!

- Человек, находящийся возле него, не Ли Цзюлун!

- А разве Ли Цзюлун не мастерски маскируется?

Стоило Хань Чаншэну услышать возгласы, доносящиеся из толпы, как его прошиб холодный пот. В отчаянии потянув за собой Ань Юаня, он выбежал из гостиницы. Только тогда он обернулся и увидел, что лицо Ань Юаня слегка покраснело, а его глаза взирали на него безучастно. Хань Чаншэн переменялся в лице: Ань Юань его не узнал.

Обезумевшие от восторга люди тоже вывалились из гостиницы. Хань Чаншэн бросил себе за спину горсть белого порошка, от которого преследовавшие их люди закашлялись и прекратили погоню. Воспользовавшись цингуном, Хань Чаншэн вместе с Ань Юанем ринулся в безлюдный переулок, а затем подошел к двери другой гостиницы. Схватив шляпу, Хань Чаншэн нахлобучил ее на голову Ань Юаня. Затем они поспешно поднялись вверх.

Только оказавшись в комнате, Хань Чаншэн смог вздохнуть с облегчением и отпустить Ань Юаня. Он подошел к столу и, налив себе чашку чая, сказал:

- Наконец-то нам удалось от них избавиться.

Ань Юань ничего не ответил.

Не дождавшись ответа, он посмотрел на Ань Юаня, который тут же заставил его испытать удивление. Ань Юань прислонился спиной к двери, а затем медленно соскользнул по ней вниз.

Хань Чаншэн быстро помог Ань Юаню подняться, но обнаружил, что тело молодого человека очень горячее. Его лицо покраснело, а дыхание стало неровным - он явно был болен. И это была вина Хань Чаншэна: все из-за того, что он впал в отклонение Ци и в своем безумии причинил боль Ань Юаню. Он мигом помог ему улечься в постель, после чего Ань Юань с трудом произнес:

- Кто ты?

- Меня зовут Ду Фэнлю. Я - чудесный врач, обладающий превосходными медицинскими навыками. Я находился в гостинице, когда по твоему виду догадался, что ты чувствуешь себя плохо. Благодаря многим годам, на протяжении которых я занимаюсь медициной, я понял, что, должно быть, ты заболел, поэтому тотчас вмешался, желая помочь. Не стоит меня слишком сильно благодарить. Просто лежи и позволь мне себя осмотреть.

Все тело Ань Юаня пылало от жара. У него больше не осталось сил говорить, поэтому он отпустил рукав Хань Чаншэна.

Хань Чаншэну было слишком стыдно смотреть в глаза Ань Юаню с маской "Хуа Сяоса" на лице. Однако он знал, что причинил боль Ань Юаню, и переживал, все ли с ним хорошо. Поэтому он с легкостью замаскировался под Ду Юэфэя, владыку медицинского Зала Серебристой Травы в секте Тяньнин. Совершенно того не ожидая, он увидел в гостинице окруженного людьми Ань Юаня и поспешил его вызволить.

- Послушай меня, я сейчас тебя вылечу, - с нежностью произнес он, а затем вытащил из рукава бутылочку с лекарством и вытряхнул из нее пилюлю. Измельчив ее пестиком, он стащил с Ань Юаня одежду и посыпал получившимся порошком его раны. - Это самое действенное лекарство для заживления ран, которое только есть в этом мире! Все твои раны к завтраму заживут!

Ань Юань, крепко вцепившись в простыни, ахнул. Его тело несколько раз резко дернулось, а затем обмякло в постели и осталось неподвижно лежать, словно он лишился сознания.

Хань Чаншэн в растерянности сказал:

- Такого не должно было произойти... Ах! - это лекарство когда-то для заживления ран прописал ему Ду Юйфэй. Он применял его с самого детства и излечил с его помощью массу ранений. После его применения боль больше не ощущалась. Но только гляньте на Ань Юаня. Почему, судя по его реакции, все выглядело так, будто Ань Юаня настигла нестерпимая боль?

Схватив чашу с лекарством, Хань Чаншэн понюхал ее. Теперь уже ахнул он: запах оказался не тот! Это совсем не походило на ранозаживляющее лекарство!

Он быстро вытащил пузырек с лекарством и на память произнес рецепт, который наизусть заставил его выучить Ду Юйфэй:

- Золотисто-коричневое лекарство для заживления ран, зеленые пилюли - тонизируют кровь, темно-коричневые... О, нет! Это же идеальный тоник для борьбы с признаками старения, он тонизирует тело!

У первого же пациента, которого взялся лечить "доктор Ду", способный исцелить какие угодно болезни, состояние ран стало куда серьезней, отчего он лишился сознания.

1. Тридцать шестая и последняя из стратагем звучит так: "Бегство - лучшая стратагема". Если становится очевидно, что выбранный курс ведёт к поражению, следует отступить и перегруппироваться. Когда проигрываешь, остаётся только три варианта выбора: сдаться, добиться компромисса или сбежать. Первое - это полное поражение, второе - поражение наполовину, и только бегство поражением не является. До тех пор, пока ты не разбит, у тебя ещё остаётся шанс. Подробнее в википедии.

Минутка переводчика:

Сбежавший и снявший себе комнату в другой гостинице Хань Чаншэн обессиленно опустился на пол перед бадьей с водой для умывания и посмотрел на свое отражение.

- Я забрал девственность Ань Юаня, - признался он своему отражению.

Бадья: - "..."

Хань Чаншэн:

- Но в обмен я отдал ему свою, так что мы квиты!

Бадья: - "Ага. Равноценный обмен..."

Хань Чаншэн:

- А сейчас я сбежал...

Бадья: - "..."

Хань Чаншэн:

- Но это был не побег, а тактическое отступление!

Бадья: - "..."

Хань Чаншэн:

- Что ты смотришь на меня с такой укоризной?

Бадья: - "Эй, я тут вообще ни при чем".

Хань Чаншэн:

- Не подумай ничего плохого, я не из тех, кто бежит от ответственности!

Бадья: - "Ага. А не этим ли самым ты сейчас занимаешься?"

Хань Чаншэн:

- Нет, конечно! Я как раз раздумываю над тем, что делать дальше.

Бадья: - "Ну, здесь я тебе не советчик".

Хань Чаншэн:

- Знаю я, знаю. Но ты хотя бы выслушать можешь, да и с виду красавец, каких поискать.

Бадья: - "Правда что ли?.. Пойдите-ка, он ведь не может мысли читать?"

Хань Чаншэн:

- Эх, если б я мог прочесть твои мысли, ты бы наверняка дал мне дельный совет...

Бадья: - "Эм... ладно".

Хань Чаншэн:

- Придумал! Изменяю-ка я лицо и вернусь в ту гостиницу, чтобы посмотреть, как он там, а дальше буду действовать по ситуации! Правда ведь, этот лаоцзы - гений?!

Бадья: "Да-да..."

...

Изменивший себе внешность Хань Чаншэн:

- Спасибо, друг! Ну все, я убежал!

Морально измотанная бадья: - "Удачи, друг. И молю тебя, больше не возвращайся".

Пару дней спустя.

Очухавшийся Ань Юань, пока Хань Чаншэн отошел за едой, подполз к бадье и, глядя на свое отражение, томным голосом заговорил:

- Он забрал мою девственность, - признался он своему отражению.

Бадья: - "..."

- Но почему-то даже после побега я на него не в обиде...

...

Какое-то время спустя

Морально уничтоженная бадья: - "Парни, вы созданы друг для друга, но я вашим другом быть не хочу".

Еще спустя полчаса

Вернувшийся Хань Чаншэн:

- А почему бадья развалилась на части?

Ань Юань:

- Без понятия. Просто вдруг взяла и развалилась сама.

Хань Чаншэн:

- Ладно, придется заплатить хозяину гостиницы и забрать обломки с собой. По пути починю. Такая штука - вещь в хозяйстве очень полезная.

Ань Юань улыбнулся:

- Это верно.

Совершившая сеппуку бадья: - "...Это ж как же я согрешил в прошлых жизнях, чтобы нарваться на эту парочку? Когда же вы начнете использовать меня по назначению?!!"

Услышавшая этот крик души бадья из предыдущей гостиницы: - "Брат, как же я тебя понимаю. Но не завидую".

<http://bllate.org/book/14818/1320217>